

НАЦИОНАЛЬНОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Н.А. Саркарова, З.-Б.Т. Алиханова

*ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала*

Рецензент канд. филос. наук, доцент М.Г. Курбанов

Ключевые слова и фразы: идентичность; конфессии; национальное достоинство; национальные отношения; пространство; этническая граница; этнонациональные группы.

Аннотация: Представлены национальные аспекты общественных отношений; проанализированы концепции национального пространства, сложившиеся в современной философии. Выведены пространственные характеристики как конфессий в целом, так и представляющих их религиозных институтов.

Общество включает множество взаимодействующих социальных групп (страт), представляющих собой некие социальные общности, образующиеся по определенным общим признакам и часто имеющие некоторые объединяющие их учреждения. Эти группы подразделяются часто на подгруппы, находящиеся в сложных отношениях субординации. Такие группы (страты) выделяются по национальным, религиозным, профессиональным, территориальным, семейно-хозяйственным, организационным, социально-трудовым признакам, а также по интересам в области культуры и другим основаниям.

Сущность национальных отношений, как и любая другая, не лежит на поверхности, не дана в чувственном созерцании, а постижима только абстрактным мышлением. Мысленное вычленение этой сущности позволяет видеть национальные аспекты в общественных отношениях. «Национальное, как философская категория, представляет собой многие стороны жизни национальных общностей, воплощает многообразие индивидуального, особенного, отдельного, охватывает все богатство материальной и духовной жизни нации» [8].

В современном мире, как правило, в чистом виде национальные отношения не существуют и толковать о них, как о самостоятельном факто-

Саркарова Наила Ахедовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии; Алиханова Заза-Бика Тавбулатгаджиевна – соискатель кафедры философии и социологии, e-mail: sasa76_76@mail.ru, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

ре, вне экономических и иных отношений, значит способствовать тому, чтобы они становились катализаторами негативных проявлений при малейших перекосах в области экономики, политики и т.д. Как отмечает К.Л. Корнеев, «все структурные составляющие национальных отношений формируются и развиваются на комплексной основе в состоянии взаимосвязи и взаимной обусловленности: каждый из указанных их разновидностей является основой других, одновременно обусловлен ими через деятельность людей, которые объективизируют, систематизируют, синтезируют и субординируют их сообразно комплексу конкретно-исторических условий жизни общества в целом. Иначе говоря, национальные отношения представляют своеобразный круг, внутри которого каждая его составляющая часть является условием функционирования и развития других и, одновременно, обусловлена ими» [3]. Между тем национальные отношения – реальность, являющаяся основой функционирования и развития национальности.

Любая этнонациональная группа, осознающая себя таковой, большая или малая, нуждается в определенном (собственном) пространстве. Она стремится его сохранить (если уже обладает им) или получить и закрепить за собой. Это пространство необходимо группе как условие реализации своей самобытности, ее самосохранения и воспроизводства, защиты от ассимиляции и дискриминации, возможного ущемления национального достоинства. Соответствующая этнонациональная группа оформляет и структурирует это пространство в соответствии со своими представлениями о самой себе и о «других», своими традициями, со своим историческим сознанием.

Крупнейший ученый-обществовед Дагестана А.Г. Агаев отмечает, что «философская категория “пространство” практически не используется в националистическом знании», объясняя это тем, что теория нации разрабатывалась преимущественно в историко-этнографическом или, самое большее, в социально-политическом плане, а собственно философские исследования по ее проблемам осуществлялись крайне редко и лишь по отдельным вопросам [1]. В связи с этим народ определялся как «территориальная общность» в историко-экономических теориях нации (К. Маркс [5], П. Лафарг, В. Ленин), а в психологических теориях даже вообще отрицался территориальный признак народа (О. Бауэр, Р. Шпрингер).

Тем не менее, в современной философии национальных отношений сложилось две концепции национального пространства.

1. Национальный вопрос и проблема «этнического пространства» («этноисторического пространства») в историософии и политической философии XIX–XX вв. Она включает в себя такие понятия, как «историческая прародина», «национальное государство», «геополитические концепции», понятие «жизненного пространства», разработанные Ж. Гобино [2], Х. Чемберленом, геополитикой нацизма и т.д. В эту же концепцию входят такие понятия, как «национальная идея» и все многообразие идеологических представлений и понятий типа: «Великая Россия», «Великая Германия», «Славянский мир», «Исламский мир», «Панславизм», «Пангерманизм», «Славянская идея», «Германская идея», «Немецкий вопрос», «Польский вопрос», историософские и социолитические аспекты еврейского вопроса в XIX–XX вв.

2. Вторая концепция включает в себя «национальные картины мира» и их пространственно-временные континуумы, которые частично отражены в работах Ф. Броделя, Д.С. Лихачева, Г.Д. Гачева, Г. Кушнера, Е.В. Петровской, А.Н. Мещерякова.

В докапиталистических формациях конфессиональная общность, как правило, совпадает с территориальной. Так, приход в средневековой Европе был своеобразной соседской общиной, включавшей в себя крестьян или городских ремесленников, для которых церковь была не только местом отправления обрядов, но и политическим и общественным центром, а священник – высшим авторитетом как в вопросах веры, так и в семейных, нравственных, политических и иных делах.

С появлением религиозной организации конфессиональные формы взаимодействия были непосредственно связаны со всей социальной и государственной структурой, выступая, по словам Ф. Энгельса, в качестве ее «наиболее общего синтеза». Церковь не только обладала монополией в идеологии, где она осуществляла «духовную диктатуру», но и выполняла определенные политические и правовые функции, не говоря уже о нравственных. Вся жизнь человека протекала под опекой церкви, которая выступала в роли высшего арбитра в отношении как «божественных», так и земных дел. Римско-католическая и православная (называющая себя также католической) церкви своим определением «католическая», «кафолическая» (в греческом первоисточнике означающем «вселенская») подчеркивают и утверждают свой всемирный характер, претензии на распространение своей веры на всех континентах и среди всех народов. На такое же право претендуют и все другие направления христианства, находя обоснование этому в завете Христа «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Мф. 28:19–20). Этот смысл вкладывается в задачу евангелизации, решение которой ориентировано не только на приобщение к христианству неверующих и инаковерующих, которые живут в странах давней христианской традиции, но и выход за пределы, постоянное стремление к расширению своего пространства. То же стремление присуще и исламу.

В православии и католицизме существует понятие канонической территории (пространства), которое означает претензию на исключительное право духовного оформления населения на определенной территории и ограждение этой территории и населения от миссионерства и прозелитизма со стороны других конфессий.

Пространственными характеристиками обладают как конфессии в целом (в плане географической распространенности и укоренения), так и представляющие их религиозные институты: церкви, религиозные организации и объединения (в плане их дислокации, зоны действия, количественных параметров состава верующих, культовых зданий и т.д.), структурирование иерархического строения (деления на епархии, благочиния, приходы) – в православии; Российский союз евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ), региональные объединения, поместные церкви – в баптизме и т.д. Такие виды деятельности религиозных организаций, как миссионерство, евангелизация, культовая практика, могут вести к измене-

нию структуры и конфигурации этноконфессионального и всего социокультурного пространства. Имеет значение пространственное размещение культовых объектов определенных конфессий, их досягаемость для верующих, соотнесение с социальной инфраструктурой, пространственная совместимость культовых объектов с другими социокультурными объектами, сферы деятельности и распространения религиозных средств массовой информации и т. д.

Обладают пространственными характеристиками и сами выступают в качестве элемента содержания этноконфессионального пространства как межнациональные, так и межконфессиональные отношения, а также их взаимосвязь, пересечения, наложения.

Наиболее трудным представляется применение пространственного подхода к эмпирическому исследованию состояния и тенденций развития межнациональных и межконфессиональных отношений, которые (взятые по отдельности и в их взаимосвязи) составляют содержание этноконфессионального пространства. Эти отношения разворачиваются на всем социокультурном пространстве и не имеют четко очерченных территориальных пространственных форм. Они возникают из самого факта одновременного существования в едином социокультурном пространстве различных этнонациональных групп (общин) и различных религиозных (конфессиональных) объединений, факта совместного проживания и жизнедеятельности людей разных национальностей и вероисповеданий. Они могут проявляться в процессе непосредственного контакта и взаимодействия этих людей или групп, но также и опосредованно – через знание о самом факте существования в социальном пространстве людей иных национальностей и вероисповеданий и через реакцию на этот факт, опосредованную установкой, сформировавшейся в группе.

По мнению А.Г. Агаева, теоретико-методологической базой исследования национальных отношений может стать перенос в эту сферу концепции этнической границы, получившей глубокую разработку и эмпирическое применение в современной этнологии [1].

К понятию этнической границы (или границы в этнокультурном значении) обращались П.И. Кушнер [4] и М.М. Бахтин. Широкое применение в этнологии оно получило с выходом работ известного норвежского ученого Ф. Барта. Практическое приложение эта концепция получила в процессе этносоциологических исследований по международным научно-исследовательским проектам «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» и «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», осуществленным в 1990-х годах под руководством Л.М. Дробижевой [7].

«Этническая граница, – пишет Дробижева, – понимается не в значении территориального расселения народов, а как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция, рассматриваемая в контексте межэтнических отношений» [7]. Эмпирическими показателями, позволяющими зафиксировать эту границу, являются этническая самоидентификация и образы (стереотипы) представителей иных этносов, сложившиеся в групповом и проявляющиеся в индивидуальном сознании.

Представляется, что перенос данной методики исследования, которая есть ничто иное как элемент пространственного подхода, на изучение национальных отношений может быть весьма продуктивным. В этом случае выстраивается следующая логическая цепочка получения и интеграции социологической информации: национальная идентификация (самоидентификация) → образ (стереотип) представителей иных национальностей → субъективно определяемая дистанция между своей и иной нацией → межнациональные границы в социокультурном пространстве исследуемого объекта → состояние и характер межнациональных отношений.

Правомерность и перспективность пространственного подхода к исследованию религиозных феноменов подтверждается тем, что отдельные элементы этого подхода и понятия пространственного ряда уже получают применение в религиоведении. В этом отношении показательна монография М.П. Свищева «Миссионерская деятельность в контексте геополитики». Сама формулировка темы предполагает ее раскрытие в понятиях пространственного подхода, к каковым несомненно относятся «миссионерство» (как пространственное распространение религиозной веры), «евангелизация» (как цель и содержание миссионерской деятельности), «экспансия», «конфессиональные связи» между регионами и странами и, наконец, предложенное М.П. Свищевым определение понятия «геополитическое миссионерство»: «Геополитическое миссионерство – деятельность членов религиозных объединений, направленная на переход географических, политических, религиозных и общественных границ для приобщения людей к вере и распространение иных для данного пространства духовных ценностей или их модернизации, способствующая экзистенциальной и территориальной экспансии Запада в противостоящие культуры и государства» [6, с. 34].

В контексте теории этноса и нации, мы говорим о возможности определения этнической общности на основе религиозных связей, понимая под этнической общностью такую общность людей, которая может быть основана на разных видах социальных связей. Национальные и конфессиональные отношения в их взаимосвязи возникают в процессе деятельности и взаимодействия соответствующих социальных субъектов: этносов и конфессий, этнонациональных и религиозных (конфессиональных) групп, институтов и организаций, индивидов, различающихся по своим национальным и религиозным характеристикам (идентичностям).

Россия всегда существовала как единство разных национальных культурных пространств, проявляющихся через особенности национальной психологии, языка и религии. Изучение национально-культурного пространства особенно актуально в современную эпоху глобализации и трансформации. «Культура национальна и религиозна, – отмечается в материалах международной конференции по проблемам национально-культурного пространства, – поэтому в истории мировой культуры региональный подход – важный методологический принцип, помогающий осмыслению национально-культурного пространства...» [9, с. 15].

Список литературы

1. Агаев, А.Г. Националогия: философия национальной экзистенции / А.Г. Агаев. – Махачкала : Изд-во Дагест. гос. техн. ун-т, 1992. – 220 с.
2. Гобино, Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж.А. Гобино. – М. : Одиссей ; Олма-Пресс, 2001. – 765 с.
3. Корнеев, К.Л. Национальные отношения. Их место и роль. Социально-философский аспект / К.Л. Корнеев. – Элиста : АПП «Джангар», 1999. – 173 с.
4. Кушнер, П.И. Национальное самосознание как этнический определитель / П.И. Кушнер // Краткие сообщения Института этнографии. – М., 1949. – Вып. 8. – С. 3–9.
5. Маркс, К. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. В 50 т. Т. 7 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1956. – 669 с.
6. Свищев, М.П. Миссионерская деятельность в контексте геополитики : монография / М.П. Свищев. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – 143 с.
7. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 385 с.
8. Эфендиев, Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание / Ф.С. Эфендиев. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 304 с.
9. Яхонтова, Е.С. Национально-культурное пространство и национально-культурная среда / Е.С. Яхонтова // Национально-культурное пространство и проблемы коммуникации : материалы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 окт. 2007 г. / С.-Петербург. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права [и др.]. – СПб., 2007. – Ч. 1. – С. 15–17.

National and Confessional Space

N.A. Sarkarova, Z.-B.T. Alikhanova

Dagestan State University, Makhachkala

Key words and phrases: confession; ethnic boundaries; ethno-national groups; identity; national dignity; national relations; space.

Abstract: We present the aspects of national public relations and analyze the concepts of national space, existing in modern philosophy. The spatial characteristics of religions, in general, and religious institutions representing these confessions, in particular, have been identified.

© Н.А. Саркарова, З.-Б.Т. Алиханова, 2012